

УДК 94(497), ББК 63.3(0)52; DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.113>

П. С. Куприянов

МЕЖДУ «ВАРВАРСТВОМ» И «БРАТСТВОМ»: БАЛКАНСКИЕ СЛАВЯНЕ В МАТЕРИАЛАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Новая книга известного отечественного слависта М. В. Белова¹ представляет собой сборник материалов российских путешествий по Балканам в первой половине XIX в. и является результатом многолетней исследовательской работы автора. Помимо публикуемых текстов, она включает весьма объемную заключительную статью, посвященную формированию представлений о «братьях-славянах», внушительный список литературы по теме, а также географический и именной указатели.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на книгу, помимо изящной обложки с панорамным видом Которской бухты из рукописи 1806 года, – это то, что и ее тематика – идея славянского единства, и сам тип издания – сборник материалов – довольно

¹ Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост., предисл., биограф. справки, коммент. и заключит. статья М. В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.

традиционны для отечественной славистики. В то же время очевидно, что книга занимает в ней особое место. Ответим на вопросы, в чем заключается качественное своеобразие данного издания, в чем особенности этой «еще одной» книжки про славянское единство и тома документов о русско-славянских взаимоотношениях².

Книга посвящена весьма значимому периоду в истории русско-славянских связей – первой половине XIX века. Автор сознательно ограничивается тем временем, когда, по его словам, «язык «славянского братства» только вырабатывался»³, и не затрагивает вторую половину столетия, когда «законченная версия» этого представления стала заметным элементом публичного дискурса в России. Во-вторых, в поле зрения автора довольно разнообразный балканский регион, имевший ключевое значение для генезиса рассматриваемой идеи. Надо отметить, что разные части Балкан представлены в этой подборке неравномерно – большая часть материалов (и по числу публикуемых текстов, и по их объему) посвящена Сербии и Черногории, и меньшая – Болгарии и Воеводине. Такое распределение, очевидно, отражает не только балканские маршруты русских путешественников, но и значимость регионов в формировании представления о славянском «братстве».

В-третьих, перед нами не просто сборник материалов о русско-балканских культурных связях, и не просто подборка текстов по истории славянской идеи, а особая категория источников – материалы путешествий. Такой выбор – не случайность и не дань имагологической традиции, привычно обращающейся к травелогам как источникам образов Другого. Он продиктован убежденностью автора в значимости «живых контактов» для формирования представлений друг о друге, а также интересом не столько к результату, сколько к самому процессу – его меняющимся контекстам и механизмам. Трудно спорить с тем, что для описания «подвижной ткани восприятия других и себя в зеркале инославянской культуры»⁴ материалы путешествий подходят как нельзя лучше⁵.

Публикуемый корпус материалов, составляющих основную часть книги, охватывает период с 1804 по 1854 год и включает более 50 текстов 34 авторов. Поскольку «путешествие» понимается составителем максимально широко, в книгу включены традиционно относимые к путевой прозе дневники, письма и записки о путешествиях и произведения других жанров – донесения, рапорты, статистические описания и очерки. Тексты рас-

² Необходимо упомянуть сборники источников по истории Балкан, составители которых ставили перед собой сходные задачи: Френски пътеписи за Балканите, XIX в. / Съст. Б.А. Цветкова. София, 1981; Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / Съст., предг., комент. и бележки М. Н. Кожухарова. София, 1986; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. М.: Наука, 1997; Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост. А. Шемякин. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II. Архивные свидетельства / Сост. А. Шемякин М., 2014.

³ Открытие «братьев-славян»... С. 3.

⁴ Открытие «братьев-славян»... С. 4.

⁵ Похожие обзоры см.: *Goldsworthy V. The Balkans in Nineteenth Century British Travel Writing. // Travel Writing in the Nineteenth Century / Ed. by Tim Youngs. London; New York; Delhi, 2006. P. 19–36; Калиганов И. И. Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2009. № 4. С. 41–62; Езерник Б. Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.*

положены, в основном, по хронологии предпринятых поездок⁶, что позволяет выделить периоды наиболее и менее интенсивных контактов (по крайней мере, из тех, что получили литературное выражение). К первым относится, например, 1804–1811 гг. – время архипелагской экспедиции Д. Н. Сенявина и Первого Сербского восстания, а также первая половина 1840-х годов, на которую приходится целая череда частных поездок на Балканы, а во вторым – 1810-е годы и рубеж 1840-1850-х годов.

Среди авторов документов – офицеры и участники военных действий (В. Б. Броневский, В. В. Вяземский, И. И. Исаев, А. Г. Краснокутский, А. П. Засс, К. К. Зейдлиц, В. И. Дибич, И. П. Липранди), дипломаты, агенты и чиновники, оказавшиеся на Балканах по разного рода «казенным надобностям» (С. А. Санковский, П. П. Свинын, Д. Н. Бантыш-Каменский, К. К. Родофиникин, Ф. И. Недоба, Ф. П. Фонтон, А. Г. Розелион-Сашальский, Я. Н. Озерецковский, Е. П. Ковалевский, Н. Д. Ступин), многочисленные путешественники, специально посетившие Балканы частным образом с научными или ознакомительными целями (А. И. Тургенев, А. С. Кайсаров, П. И. Кеппен, А. С. Березин, Ю. И. Венелин, В. П. Давыдов, Н. И. Надеждин, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, А. Н. Попов, В. А. Панов, В. А. Елагин, Н. А. Ригельман, Ф. В. Чижов, В. И. Григорович, М. П. Погодин).

Нетрудно заметить, что в этом списке – фигуры, не только значимые в истории русско-балканских связей, но и малоизвестные авторы. То же касается и самих сочинений: около трети из них публикуются впервые (например, путевые записки П. И. Кеппена и М. П. Погодина или статистические обзоры А. Г. Розелион-Сашальского и И. П. Липранди), те, что издаются вторично, не всегда широко известны и легко доступны. Вместе с тем, значительная часть текстов приводится фрагментарно, а объем представленных материалов заметно варьирует: от коротких писем (или отрывков) до пространных пассажей. Все это указывает на то, что перед нами не «хрестоматийный набор» документов, а специализированная подборка, отражающая, очевидно, определенную авторскую концепцию (которая, впрочем, не всегда легко вычленяется из самих текстов).

Все тексты сопровождаются комментарием и вступительными статьями, выполненными, вопреки ожиданиям, не по единому шаблону, а индивидуально. Одни из них совсем короткие, буквально в несколько строк, и носят чисто справочный характер, другие более пространны и подробны. Приводимые в них сведения касаются, главным образом, биографий и взглядов путешественников, а также обстоятельств их пребывания на Балканах, что, очевидно, объясняется стремлением составителя рассмотреть материалы путешествий «в меняющемся и вариативном контексте». Надо признать, что это удается в полной мере: емкие и содержательные тексты дают представление о политических, культурных и личных обстоятельствах, при которых происходило знакомство россиян с балканскими реалиями и формировались образы местных жителей.

Существенная часть информации выносится в примечания: здесь помещаются биографические, сюжетные, историографические и иные «расширения» основного текста. Все это делает примечания (к вступительным статьям и к самим источникам) полноценной частью исследования. Библиографический аппарат рецензируемого издания заслуживает особого упоминания: он выполнен с энциклопедической полнотой, кажется, здесь учтены все необходимые работы, как «классические», так и новейшие.

⁶ Кажется, единственным исключением является очерк И. П. Липранди, расположенный в книге в соответствии со временем его составления (1854 г.), а не временем пребывания автора в Сербии (рубеж 1820–1830-х годов).

В этом смысле книга М. В. Белова может служить надежным библиографическим справочником по вопросам, касающимся биографий ее героев, их взглядов и балканских путешествий.

Другая примечательная особенность книги, которая, пожалуй, наиболее ярко проявляется во вступительных статьях и комментариях к текстам, заключается в рассмотрении и представлении в них одновременно балканского и российского контекстов. Такой подход, принципиально важный для поставленной исследовательской задачи (и, замечу, требующий от автора равной компетентности в обеих сферах) – несомненное достоинство и ценное преимущество рецензируемого издания.

На фоне пристального внимания составителя к личностному, событийному и культурному контексту нельзя не заметить лаконичность информации о самих публикуемых сочинениях. Некоторые вступительные статьи вообще умалчивают о них, в других же сообщаются лишь отдельные данные – об описываемом маршруте или о времени создания (издания) текста. Показательными исключениями являются вступительные статьи к текстам А. А. Вяземского и А. Г. Розелион-Сошальского, в которых содержится более или менее подробная источниковедческая характеристика. Почему ее лишены остальные тексты, непонятно. И если содержательная характеристика большинства сочинений хотя бы отчасти представлена в заключительной аналитической статье (где тоже, впрочем, речь идет далеко не обо всех текстах), то отсутствие источниковедческой критики во вступительных статьях кажется досадным упущением, хотя бы потому, что не позволяет сформировать цельное представление о сочинениях (многие из которых, как уже отмечалось, публикуются частично и с купюрами).

Примечания и вступительные статьи к публикуемым источникам в известной степени отражают концепцию автора-составителя, однако наиболее полно и развернуто она представлена в заключительной статье. Последняя представляет собой самостоятельное исследование, в ней приводится анализ более широкого, чем в книге, круга источников и историографии. Заключение состоит из краткого вступления, теоретической части (в которой рассматриваются ключевые концепты и некоторые подходы к изучению образов Другого, анализируются опыт осмысления идеи славянского единства в историографии) и пяти параграфов, в которых основная тема книги рассматривается на конкретных примерах. Один из них посвящен авторам начала XIX века, два – персонально П. И. Кепшену и Ю. И. Венелину, затем следуют параграфы о «служебном» славяноведении и образе «братьев-славян» в сочинениях «молодых славянофилов». Разные части этого текста прежде публиковались в виде отдельных статей, однако для книги они были переработаны, так что следов их прежнего автономного существования почти не осталось.

Автор начинает статью с частного сюжета, отражающего основную проблему исследования. Речь идет о рапорте российского полковника С. Ю. Пучкова 1760 года, в котором он нелицеприятно отзываясь о черногорцах как о «диком народе», лукавом и коварном, не имеющем «никаких прав и законов»⁷. Недоумение и отторжение, с которым воспринимался этот «не-братский» взгляд позднейшими исследователями конца XIX – XX веков, по справедливому замечанию М. В. Белова, указывает на различие в понимании исторической реальности в разные эпохи: если во второй половине XIX века

⁷ Открытие «братьев-славян»... С. 571.

о балканских славянах едва ли можно было мыслить и говорить вне идеи «братства», то для XVIII в. она была совсем не актуальной, если вообще возможной. Просветительский взгляд, не отягощенный идеей этнического родства, привычно оперировал другими категориями для объяснения культурных сходств и различий и уверенно опознавал балканских славян как «варваров», а не как «братьев».

Обозначив таким образом крайние точки в истории рассматриваемой идеи (от ее отсутствия до почти исключительного доминирования), автор сосредотачивается на промежуточном полувековом отрезке, стараясь зафиксировать и проследить этот переход – от «варварства» к «братству». Внимательное исследование корпуса русских путешествий по Балканам первой половины XIX столетия приводит М. В. Белова к следующему видению этого процесса.

«Славянское братство» долго оставалось неочевидным для русских наблюдателей в силу противоречивости образа балканских славян: с одной стороны, принадлежность к православию и некоторые культурно-языковые черты служили основой для «отождествляющей процедуры», но с другой, «глубокая архаика и осязаемое турецкое влияние блокировали этот путь, поддерживая ориенталистские клише, и в частности, стереотип “варвара”»⁸. Эти препятствия к принятию идеи славянского единства на рассматриваемом временном отрезке преодолевались с помощью разных идеологических конструкций: сентименталистского образа «благородного дикаря», неоклассицистского обращения к «славянской антике», питавшегося образом «славянской Спарты» или былинной старины, романтической иронии и живописных стилизаций. Более уверенная разработка и закрепление «братского» дискурса относятся к концу 1830-х – первой половине 1840-х годов и связаны с романтической традицией описания Балкан в путешествиях первых университетских славистов и «молодых славянофилов» (с. 589).

Концепция автора выглядит вполне убедительно, не в последнюю очередь благодаря тому, что процесс восприятия и описания балканских реалий российскими наблюдателями у М. В. Белова глубоко и разнообразно контекстуализирован. Текст путешествия здесь никогда не оказывается определен исключительно идеологическими пристрастиями или политической конъюнктурой, наблюдаемыми реалиями или исходными предубеждениями автора – исследователь старается максимально учесть все возможные факторы, влияющие на взгляд и текст путешественника, от его личностных особенностей до литературной традиции, и рассматривать исследуемые сочинения на разных «уровнях» – от языка до идеологических конструкций.

Очевидно, именно такая стратегия позволяет нарисовать *сложную* картину восприятия россиянами балканских славян, далекую от спрямленной и однонаправленной модели. Предваряя книгу, М. В. Белов отмечает, что «укрепление и развитие «братских» представлений <...> имело нелинейную динамику и стало следствием медленных изменений как внутри российского общества, так и на Балканах»⁹. Многочисленные подтверждения и иллюстрации этого тезиса читатель обнаруживает далее как в текстах путешественников, так и в авторской статье, где последовательно отмечается противоречивость оценок и описаний почти каждого путешественника¹⁰. Даже в сочинениях

⁸ Открытие «братьев-славян»... С. 588.

⁹ Открытие «братьев-славян»... С. 4.

¹⁰ Открытие «братьев-славян»... С. 575, 576, 579, 581, 603.

«молодых славянофилов», разделяющих метафору «славянского братства», без труда обнаруживается привычный «взгляд из цивилизованной Европы»¹¹.

И хотя доля «братских» представлений в сочинениях 1840–50-х годов больше, чем в начале столетия, публикуемые тексты (и наблюдения составителя книги) показывают, что имеющийся материал «сопротивляется» представлению исследуемого процесса как постепенного и равномерного нарастания «братского» дискурса (и параллельного «отмирания» «варварского»). Продолжая физические метафоры, можно сказать, что перед нами скорее не одномерный континуум между преобладающей просветительской оптикой и доминирующим национальным взглядом, а силовое поле, образуемое этими двумя полюсами, в любой точке которого полярные значения могут сочетаться в разных долях и комбинациях.

Замечу, что эти два полюса, взаимодействие которых является главной исследовательской проблемой книги, закономерно присутствуют и в ее названии: если выражение «братья-славяне» говорит само за себя, то слово «открытие» отсылает к колониалистскому дискурсу и напоминает о просветительской риторике «открытия» неизвестных земель и народов. Вероятно, перед автором стоял вопрос о том, какое именно из этих двух слов брать в кавычки, и надо признать, что сделанный выбор представляется изящным и мудрым решением, поскольку оно предписывает не *этнографическое*, а *идеологическое* прочтение названия – как историю появления и утверждения (=открытия) *идеи* славянского братства, а не этнографического описания балканских народов.

Что касается недостатков книги, то они, на мой взгляд, в основном, связаны с ее публикационной частью. Самым очевидным недостатком (в буквальном смысле слова) является отсутствие в книге карты – пусть не с маршрутами поездок, но хотя бы с указанием основных населенных пунктов и мест, упоминаемых в текстах. Хорошим дополнением к карте мог бы стать перечень основных событий и дат балканской истории в рассматриваемый период. То и другое значительно облегчило бы читателю ориентацию во времени и пространстве путешествий. Также не было бы лишним хотя бы краткое изложение принципов передачи текста публикуемых сочинений. Это особенно важно для рукописных источников, но в некоторых случаях имеет значение и для переиздаваемых памятников. Неизбежная унификация и модернизация текста порой скрывает от читателя нюансы, которые могут оказаться значимыми в том или ином контексте¹², и о которых ему стоило бы знать.

Отдельную проблему составляет отбор публикуемых материалов. С одной стороны, очевидно, что выбор как авторов, так и текстов обусловлен основной темой книги – формированием идеи славянского «братства». С другой стороны, тематический диапазон представленных материалов существенно шире, и некоторые фрагменты кажутся относящимися к основной теме лишь косвенно. Читая о перипетиях внутривосточной борьбы в Сербии (в рапортах Ф. И. Недобы) или о местных разновидностях дубов (в статистическом описании А. Г. Розелиона-Сошальского), невольно задаешься вопросом о том, почему именно эти фрагменты были отобраны составителем. В Пре-

¹¹ Открытие «братьев-славян»... С. 370, 376, 409, 422, 424, 487.

¹² Скажем, при публикации отрывков из «Воспоминаний на флоте» П. П. Свинына сохранен курсив автора, однако заглавные буквы в названиях народов и конфессий заменены на строчные.

дисловии на этот счет сообщается, что при отборе текстов преимущество отдавалось как неопубликованным материалам, так и обладающим «превосходящей содержательной значимостью», а также учитывалась «выразительность той или иной тенденции в определенном свидетельстве, новации, привнесенные автором, или отклонение от господствующего восприятия и его литературной подачи»¹³. Однако это уведомление мало что проясняет, поскольку остается неясным, какой из перечисленных критериев «сработал» в каждом конкретном случае. Обращение к заключительной статье в этой ситуации также не всегда помогает, а иногда наоборот порождает новые вопросы, поскольку в ней представления путешественников реконструируются зачастую по иным источникам. Скажем, анализируя взгляды Ю. И. Венелина, М. В. Белов обращается преимущественно к его «Ученому путешествию...», тогда как в книге публикуется письмо Ю. И. Венелина к В. Е. Априлову. В чем причина именно такого выбора, почему именно это письмо было включено в подборку, остается загадкой.

Некоторые вопросы вызывает комментарий к издаваемым текстам. Заявленный в Предисловии принцип «разумной достаточности» в пояснении отдельных деталей выдерживается не всегда. Комментатор непоследователен в исправлении этнонимов, топонимов и других имен собственных: иногда они заменяются на современные, а иногда – нет. Скажем, «Цетин»/«Цетино» никогда не исправляется на «Цетине», тогда как «Катар» / «Катаро» меняется на «Котор», но почему-то не всегда¹⁴. Число подобных примеров можно расширить.

Гораздо важнее, на мой взгляд, сама по себе практика исправления текста источника, точнее, та исследовательская оптика, которая за ней стоит. Уличая путешественников в «искажениях» и «ошибках»¹⁵, исправляя «неверные» названия и факты¹⁶, рассказывая, как все обстояло «на самом деле»¹⁷, автор тем самым присваивает себе привилегированную позицию истинного знания.

С одной стороны, эта позиция (и соответствующая ей риторика) вполне традиционна и предопределена самой прагматикой комментария, призванного, в частности, соотносить комментируемый текст с реальностью. Но с другой стороны, наличие такой – «абсолютной» – позиции автоматически делает все прочие «относительными». Иначе говоря, в такой оптике представления путешественников оказываются не *частными версиями реальности* (с собственными – «эмными» – категориями и интерпретациями), а лишь большим или меньшим *искажением* истинной картины, *отклонением* от единственного правильного варианта. Такой подход позволяет проследить историю *накопления знаний* о балканских славянах, но вряд ли помогает понять что-то про самих путешественников и разделяемые ими идеи (что как раз и составляет главный предмет книги).

Это противоречие не кажется мне случайным расхождением между сложившимся жанром реального комментария и конкретными исследовательскими задачами. На мой взгляд, оно в значительной степени обусловлено теоретическими установками автора. Надо заметить, что внимание к теории – характерная особенность и важное достоинство

¹³ Открытие «братьев-славян»... С. 5.

¹⁴ См., например: Открытие «братьев-славян»... С. 156, 286, 363; и др.

¹⁵ Открытие «братьев-славян»... С. 23, 287, 369; и др.

¹⁶ Открытие «братьев-славян»... С. 23, 62, 150, 287, 312, 369, 398; и др.

¹⁷ Открытие «братьев-славян»... С. 62, 312.

рецензируемого издания. Обращение к теоретической рефлексии (казалось бы, совсем не обязательное в сборнике материалов) – свидетельство «серьезных намерений» и профессионализма составителя, с самого начала дистанцирующегося от наивно-потребительского подхода к материалам путешествий. М. В. Белов говорит о необходимости конвергенции разных теоретических моделей и языков и разбирает некоторые исследовательские понятия и подходы к изучению образов Другого. Отстраняясь от «веры в позитивный реализм источника»¹⁸, и отдавая должное постструктуралистской теории и критике, он при этом указывает и на ее ограничения, отмечая, в частности, что установка на интертекстуальность и стратегия «скольжения» по «поверхности текста» скрывают от исследователя межтекстуальные различия и особенности авторского взгляда, а сосредоточенность на риторике и топике текстов снимает вопрос о соответствии этих текстов наблюдаемой действительности.

По-видимому, стремление совместить конкурирующие исследовательские перспективы и порождает вышеупомянутое противоречие. Оно проявляется, в частности, в своеобразном *плавающем* исследовательском фокусе, попеременно смещающемся с самого наблюдателя на наблюдаемую реальность и обратно. С одной стороны, взгляд исследователя уверенно направлен на представления путешественника: речь идет о просветительских, ориенталистских, романтических схемах, моделях и шаблонах, посредством которых россияне конструируют образы балканских славян, а с другой стороны, периодически взгляд как будто переключается на описываемую действительность – и эти образы оцениваются на предмет их «адекватности» и «глубины проникновения» в балканский мир¹⁹. За тщательным анализом взглядов разных авторов, выявляющим их источники и компоненты, прослеживающим их связь с политическими обстоятельствами, идеологическими пристрастиями и личностями путешественников, то и дело возникает фигура всезнающего исследователя – исправляющего ошибки, устраняющего искажения и знающего, как *правильно*. И если заключительная аналитическая статья начинается замечанием о «необходимости обсуждать чужую субъективность» и признавать собственную, то завершается она словами про возможность «наконец, адекватнее увидеть балканские реалии»²⁰. Этот дрейф от наблюдателя – к реальности, от субъективности – к объективности представляется весьма знаменательным, и как нельзя лучше отражает «методологическое напряжение» (пользуясь удачным выражением М. В. Белова), пронизывающее это добросовестное и интересное исследование.

Информация о статье

Автор: Куприянов, Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии, Российская Академия наук, Москва, Россия, kuprianov-ps@yandex.ru, Scopus ID 57207662748, SPIN-код 2367-9028

Заголовок: Между «варварством» и «братством»: балканские славяне в материалах русских путешествий

Резюме: В центре внимания автора книга М. В. Белова «Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века» (СПб., Нестор-История, 2018). Рецензент отмечает, что помимо публикации репрезентативного корпуса источников издание включает вну-

¹⁸ Открытие «братьев-славян»... С. 519.

¹⁹ Открытие «братьев-славян»... С. 553, 561.

²⁰ Открытие «братьев-славян»... С. 517, 604.

шительную аналитическую статью, в которой излагается авторская концепция формирования представлений о «славянском братстве» в русских путешествиях по Балканам. Автор книги убедительно показывает сложный и нелинейный характер этого процесса, обнаруживая, что образ балканских славян в исследуемых текстах зависит, как правило, от целого ряда факторов. Наряду с достоинствами книги (глубокая контекстуализация исследуемых представлений, их рассмотрение одновременно в балканской и российской перспективе, внимание к теоретическим и методологическим аспектам исследования и др.) рецензент указывает также на некоторые ее недостатки (неочевидность принципа отбора текстов для публикации, лаконичность источниковедческой информации). По наблюдению рецензента, оправданное стремление автора совместить разные теоретические подходы порождает интересный и противоречивый эффект: дрейф исследовательского фокуса между собственно взглядами наблюдателя и описываемой им реальностью.

Ключевые слова: Балканы, Россия, путешествия, образы Другого, славяне.

Литература, использованная в статье:

Goldsworthy V. The Balkans in Nineteenth Century British Travel Writing // Travel Writing in the Nineteenth Century / Ed. by Tim Youngs. London; New York; Delhi: Anthem Press. 2006. Pp. 19–36.

Езерник Б. Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. Москва: Лингвистика, 2017. 358 с.

Калиганов, И. И. Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2009. № 4. С. 41–62.

Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост., коммент. Белов, Михаил Валерьевич Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 672 с.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Москва: Наука. 1997.

Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / Съст., предг., коммент. и бележки М. Н. Кожухарова. София, 1986 г.

Русские о Сербии и сербах. Т. I: Письма, статьи, мемуары / Сост. А. Шемякин. Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. 684 с.

Русские о Сербии и сербах. Т. II. Архивные свидетельства / Сост. А. Шемякин Москва: «Индрик», 2014. 632 с.

Френски пътеписи за Балканите, XIX в. / Съст. Б.А. Цветкова. София: «Наука и изкуство», 1981.

Information about the article

Author: Kupriyanov, Pavel Sergeevich – Ph.D in History, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kupriyanov-ps@yandex.ru, Scopus ID 57207662748, SPIN-cod 2367-9028

Title: Between “barbarity” and “brotherhood”: Balcan Slavs in Russian travelogues

Summary: The article is devoted M. V. Belov’s book «Discovery of the “Slavonic brothers”»: Russian travelers in the Balkans in the first half of the XIX century» (St. Petersburg, Nestor-History, 2018). The reviewer notes that in addition to the publication of a representative body of sources, the book includes an analytical article, which sets out the author’s concept of the formation of ideas about the Slavic “brotherhood” in Russian travels in the Balkans. The author of the book convincingly shows the complex nature of this process, discovering that the image of the Balkan Slavs in the studied texts depends on a number of factors. Along with the advantages of the book (deep contextualization of the studied ideas, their consideration in the Balkan as well as in the Russian perspective, attention to the theoretical and methodological aspects of the study etc.), the reviewer also points to some of its shortcomings (non-obvious principle of selection of texts for publication, short description of the texts). According to the reviewer’s observation, the author’s endeavour to combine different theoretical approaches generates an interesting and contradictory effect: the drift of the research focus between the observer’s own views and the reality described by him.

Keywords: Balkans, Russia, travel writing, image of the Other, «Slavonic brothers».

References:

[Belov, Michail Valerievich, comp., comm.] *Otkrytie “bratiev-slavian”*: Russkiye puteshestvenniki na Balkanah v pervoy polovine XIX veka [*Discovery of “slavonic brothers”*]: Russian travelers in Balkan region in the 1st part of the XIX-th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 2018. 672 p. (in Russian).

- Ezernik B. Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov. Moscow: Lingvistika, 2017. 358 p.
- Frenski pitepisi za Balkanite, XIX vek [French voyages on the Balkans, XIXth cent.]. Comp. B. A. Tsvetkova. Sofia: Nauka i Izkustvo Publ., 1981. (in Bulgarian)
- Goldsworthy V. The Balkans in Nineteenth Century British Travel Writing, in *Travel Writing in the Nineteenth Century*. Ed. by Tim Youngs. London; New York; Delhi: Anthem Press. 2006. Pp. 19–36.
- Kaliganov, I.I. Bolgariya i bolgary glazami russkih v xix stoletii v period rusko turetskoy voyny 1877–1878 gg i do nee [Bulgaria and the bulgars in eyes of the Russians in XIXth cent. in the period of Russian-Turkish war (1877–1878) and before it], in *Slavianskiy mir v tretiyem tisyacheletii*. Moscow, 2009. № 4. Pp. 41–62. (in Russian).
- Politicheskie i kulturnie otnosheniya Rossii s jugoslavijskimi zemlyami v pervoy treti XIX veka* [Political and cultural relations between Russia and South Slavia in the first third of the XIX cent.]. Moscow: Nauka Publ. 1997. 328 p. (in Russian).
- Ruski pitepisi za bilgarskite zemy XVII–XIX vek [Russian voyages on Bulgaria in XVII–XIX cent.]. Comp. M. N. Kozhukharova. Sofia. 1986.
- Russkie o Serbii i serbakh*. T. II (arkhivnye svidetel'stva) [The Russians about Serbia and the Serbs. V.II. Arkhive materials] sost. A. L. Shemiakin – Moscow: Indric Publ. 2014. 632 p. (in Russian).
- Russkiye o Serbii i serbakh*. T. I: Pis'ma, statyi, memuary [The Russians about Serbia and the Serbs. V. I. Letters, articles, memoires]. Sost. A. L. Shemiakin. St. Petersburg, Aleteya Publ. 2006. 634 p. (in Russian).